

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Как сделать роль своей

Светлана Крючкова живет на Фонтанке, рядом с театром — своим театром. По утрам сидит с коляской в театральном дворе — есть там несколько кустиков и две скамейки. Можно было бы пойти в съверик, но Светлана любит гулять с Митей здесь, на «своей территории». Скучает по театру? Ну скучать ей, положим, не дают: уже два раза на неделе играла в спектакле «Волки и овцы». Роль Купавиной на все время отпуска осталась за ней. Семь лет Светлана Крючкова в Ленинградском Большом драматическом театре. Купавина — седьмая и сейчас пока единственная ее роль.

Когда режиссер И. Авербах решил поставить «Фантазии Фаяртьева» для телевидения, он сказал Светлане, что и замысел-то весь пошел от нее — как же обидно, что она не сможет у него играть! Она ответила, подросла, мол, девочка. Но ведь и тогда, когда Г. Товстоногов предложил попробовать Крючкову на эту роль, она была далеко не школьницей. Надолго запомнился тот первый их разговор с Товстоноговым. Он: «Есть роль... шестнадцатилетней девочки...», она: «Что, я похожа на шестнадцатилетнюю?» Незадолго перед тем Светлана сыграла Мать в «Синей птице» на сцене МХАТа, а в кино отнюдь не похожих друг на друга, давно расставшихся с детством Зиночку в фильме «Не может быть» и Маркарскую в «Старшем сыне». Страшно было братья за предельную роль. В Большой драматический ее приняли «услов-

но». Получится — значит хорошо, ну а нет, и суда нет.

Любу она сыграла так, что оказалась настоящей героиней и спектакля, и дня. Публика, страдая, взыскательная, приняла ее безоговорочно. И театр ее принял.

Сколько раз уже говорилось, что в театре у актера больше возможностей — богаче репертуар. В театре актер остается один на один с публикой, и ему приходится рассчитывать только на себя. Неудивительно, что многие киноактеры просто-таки боятся театра — техника-то совершенно иная. Но уж если киноактер (а Светлану с ее тридцатью ролями в кино вполне можно считать киноактрисой, хотя готовилась она к работе на сцене — с тем и поступала в училище МХАТа) ищет и находит себе место в театре, значит, он всерьез предан драматическому искусству. Вот и Светлана буквально привязана к этому дому на Фонтанке. Она к нему тянется, возле него ищет пристанища, покоя, равновесия...

— В «Тихом Доне» я ничего не открываю... Просто хочу напомнить людям несколько истин. Другое дело — «Волки и овцы»: это уже свое, незаемное. Вот почему я люблю эту роль. Только тех героев актер может назвать своими, которых никто больше так, как он, не играл и не сыграл.

Заспорили — ведь есть роли «вечные». Сколько актеров их играли, и каких актеров! В опасении повториться можно уйти далеко от образа, созданного драматургом: примеров тому сколь-

ко угодно. Светлана уперлась — в полном смысле слова, — нагнула голову, выставила лоб: он у нее большой и упрямый:

— Если в роли нет открытия — и говорить не о чем.

Как сделать роль своей? Почему одну удается «присвоить», а другую нет? Между актером и его героем есть посредник — режиссер. Есть постановщики, которые отличаются рациональным или, как сказала Светлана, «научным» подходом к делу. Они ищут исполнителя по типологическим признакам. И начинают с того, что в актере видят прежде всего некую унифицированную категорию. Актер для них не личность, а понятие, как в договоре пишут, «лицо, именуемое в дальнейшем «актер», — улыбнулась Светлана. При таком подходе режиссера актер для него лицо в общем абстрактное, познаваемое через героя, который открывает ему, каков же этот самый исполнитель — реальный, невыдуманный человек.

Настоящий же режиссер видит в актере личность — единственную неповторимую.

С благодарностью и восхищением говорит Светлана о своем нынешнем режиссере, о его видении... Евлампия Николаевна Купавина — роль, в которой вроде бы не за что «защититься». Да, ее играли когда-то Федотова и Ермолова, но ведь для них-то она была современницей. От роли этой Светлана отказывалась. Товстоногов отказ не принял: «Я другой Купавиной не вижу. Это ваша роль — и вы будете играть ее с наслаждением».

Вспомнилось тут ей: вот так

же отказывалась она от маленькой роли новобранной в фильме «Объяснение в любви». Станным, пугающим казался весь эпизод — пьяная свадьба на полустанке. Плакала даже — так не хотела играть. Режиссер уговорил. Сыграла. И эпизод оказался не проходным — ключевым, многое объясняющим в картине. Да мало ли еще примеров в ее актерской практике!

Михалков... Так же, где-то к финалу фильма «Родня», оборвался смех, когда Крючкова — Ниночка, простоволося, ненакрашенная, ставшая вроде бы меньше ростом, как девочка бежала по вокзальной площади, по перрону, по железнодорожному полотну — отыскивала, догоняла обиженную и отвергнутую мать...

Эти роли Светлана Крючкова считает своими, кровными. Теперь к ним прибавилась еще и Купавина.

Спектакль идет в современном темпе: пять добрых актов — в два действия. Хорошо бы хоть раз увидеть где-нибудь «старого» Островского — того Островского, который втягивал зрителя в круговорот старинной медлительной жизни. Возможно ли это в современном театре? Может быть, на телевидении... Но там, к сожалению, часто норовят сделать из Островского мюзикл, превратить его мудрые пьесы в ревию. Постановка Товстоногова в корне отличается от этих «поделок» уважением к оригиналу, пониманием его сути; да и по части сценической изобретательности он этих «интерпретаторов» оставил далеко позади. В

ролях: Мурзавецкая — Попова, Лыняев — Басилашвили, Беркутов — Лебедев. Умные, серьезные актеры. Крючкова перед ними совсем девочка. И как обдуманно, тактично порой отступают они на второй план.

Зная изначальную доброту Светланы к людям — это чувствуется чуть ли не во всех ее ролях, начиная с первой — Нельки в «Большой перемене» с ее простосердечной песенкой «чет-нечет». — можно предположить, что и Купавину она будет оправдывать, обелять, сочувствовать ей, бедной овечке.

И вдруг — жизнерадостная дура, круглая и нарядная, как большой мяч, который хоть и высоко прыгает по мягким коврам, зато сияет отменно. Если говорить о логике развития этого характера, то логика, видимо, в том, что Купавина не признает никакой логики. Жизнь, которую она вела сначала в доме отца, потом в доме мужа, полностью вытравива из нее всякую способность к размышлению. Но любопытство и упорство развились в ней чрезмерно.

Прав был Товстоногов — Крючкова играет эту роль с наслаждением. Все ее индивидуальные качества — озорство, темперамент, лукавство, юмор, — все они, так или иначе преобразуясь, присутствуют в роли. Все — кроме ума. Ум свой она спрятала. В другом случае, быть может, спрячет юмор или темперамент, если этого потребует роль. И предстанет перед нами — новая, с удивлением узнаваемая, неожиданная...

Л. ЯГУНКОВА.